

Дмитрий Бавильский

Бавильский Дмитрий Владимирович родился в 1969 г. в Челябинске, в семье врачей Владимира Фавельевича и Нины Васильевны Бавильских. Окончил Челябинский государственный университет (1993) и аспирантуру при нем (1996) по специальности «зарубежная литература». Известен также как литературный критик, прозаик. Выпустил две книги стихов: «Невозможность путешествий» (Челябинск, 1990) и «Ангина» (изд. КПП, Пермь, 1993, 1000 экз.). Участвовал в издании журналов «Несовременные записки», «Уральская новь», редактировал рубрику «Пятый угол» в газете «Челябинский рабочий», журнал «Уральская панорама», был обозревателем «Независимой газеты», собкором газеты «Культура», заведовал литературной частью Челябинского театра драмы. В 2000 г. переехал в Москву. Показал себя разносторонним, интеллектуальным журналистом. Как литературный (музыкальный и художественный) критик и эссеист публиковался в толстых журналах, крупнейших газетах, сетевых и бумажных альманахах. Автор около полутора тысяч статей, интервью и обзоров, посвященных литературе, театру, музыке и изобразительному искусству. Является редактором отдела культуры сетевого издания «Взгляд». Основатель литературно-философского интернет-журнала «Топос». Издал несколько книг прозы: «Семейство паслёновых» (Москва, 2002), «Едоки картофеля» («Москва», 2003), «Ангелы на первом месте» (Москва, 2004) и др. Тексты Д. Бавильского переведены на английский, болгарский, голландский, немецкий, французский языки. Участник АСУП-1. Живет в Москве.

Филологическая маркировка стихов Д.Б.

Традиции, направления, течения: школа гармонической точности, декадентство, акмеизм, мета-реализм.

Основные имена влияния, переклички: Е. Бара-

тынский, Ф. Тютчев, О. Мандельштам, В. Ходасевич, М. Кузмин, А. Парщиков, В. Кальпиди.

Основные формальные приемы, используемые автором: антитетичность, интертекстуальность, цикличность, рефренность.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: метафизика творения и исчезновения, мир, вечность, время, память, слово, смерть и бессмертье, возрождение и его невозможность, любовь, небо, земля (суша), солнце, луна, зима, снег, холод, тепло, горенье, догорание, зола, песок, вода (стекание), сон, чернота, «близость дальнего», хрупкость и прозрачная зябкость земного существования, стирание, небытие, энтропийность.

Творческая стратегия: спокойное, ровное внешне, но внутренне напряженное, философическое осмысление ухода, уничтожения, диалектики взаимодействия небесного и земного, уловление взаимоотражений «горного» и «дольного», вечного и временного, авторефлексия, самоопределение как человека и творца через систему философско-поэтических оппозиций. Отдающая некоторой просветленной обреченностью попытка поиска «тождества». Прозревание в «сгоревшем» «бывшего когда-то».

Коэффициент присутствия: 0,52

В. КАЛЬПИДИ о Д.Б.

Странно, но никто из общих знакомцев не взялся написать о Бавильском. Не захотели. Сам же Дмитрий проигнорировал предложение прислать автобиографию. Тут как раз ничего странного – просто, видимо, не интересно. А мне вот интересно, хотя мы не общались уже больше десяти лет, притом, что и расстались недружелюбно. Д.Б. – человек культурной плаценты. Его любовь к творчеству не любовь вовсе, а единственная возможность ощутить себя живым. Такое положение дел – практически приговор. Ибо творчество – это всего лишь один из усилителей роста. Оно похоже на воздух, обогащенный кислородом. Он (этот «воздух») нужен для того, чтобы, дыша, двигаться в ту сторону, где судьба становится горизонтом. Делать же «дыхание» смыслом и основным занятием жизни, научиться дышать через раз, с двойным притоком или с тройным прихлопом – смеху подобно, но только подобно, т.к. это не смех – а трагедия. В случае с Д.Б. – так оно и есть. Именно в этом кроется особенность характера Д.Б. – наинужнейшая обида на мир. Д.Б. всегда хотел только одного – быть дорогим и любимым для всех встречных-поперечных. Он был замечательным соратником, когда мы вместе делали журнал «Несовременные записки» или создавали фонд «Галерея», но взамен требовал – любви. И даже

Отец, Владимир Фавельевич Бавильский

не любви, а ее доказательств. Здесь и таилась системная ошибка, потому что, если пойти по этому пути, то, в конце концов, доказательств никогда не хватает. Любовь в принципе не убедительна. И кто этого не понимает, в итоге нарывается на собственную ненависть. Но это лирика, а эпос в том, что Д.Б. – универсальный технологический мусоропровод культуры. Если кто-то не понимает, что культура – это мусор, разбросанный вокруг истины и иногда принимающий ее форму, тот, возможно, сочтет это определение за оскорбление. Д.Б. поглощает этот мусор, сортирует его, раскладывает на полки в целлофановых пакетах, аккуратно приклеивая на собственную слону самопальные этикетки. И если бы он занимался этим на своей территории, в Челябинске, то это могло бы и составить судьбу, но, выбрав для подобных манипуляций Москву, где подобными вещами (хуже, лучше, много хуже, много лучше) занимается без преувеличения миллион человек, Д.Б. не мог не впасть в соревнование с этим миллионом. И не мог не проиграть, как проигрывает любой из этого миллиона этому же миллиону. Д.Б. живет внутри культурных событий и комментирует их, искренне полагая, что в этом есть необходимость, или же искренне полагая, что такой необходимости нет. Д.Б. вообще человек, стремящийся к предельной искренности во всём. До такой степени стремящийся, что порой начинает путать искренность с бесстыдством. Д.Б. – это транспарант, демонстрирующий, как можно сильно ошибиться в стратегии творческого поведения. По сути, он лишил себя возможности этого пове-

дения и стал ведомым. Д.Б. решил, что провинциальный междусобойчик крайне незначителен по сравнению с пространствами мировой культуры, и, бросив Челябинск (в своей прозе он называет его Чердачинск), перебрался в Москву. Вообще культура – это кладбище идей, творческих состояний и продуктов этих идей и состояний. А думать, что московские «кладбища» принципиально отличаются от челябинских (пермских, вологодских) – значит чего-то недопонимать. Ну, дизайн оградок и памятников чуть иной, ну посещающая их публика попоугаистей, но ведь процессы, идущие, так сказать под этими этикетками и упаковками (оградками/памятниками), физически одни и те же, а мистически – равносильно непредсказуемы как в Нью-Йорке, так и в Еманжелинске. Оставаясь в провинции, Д.Б. мог бы создавать процессы, а не бессмысленно пытаться красиво выглядеть, болтаясь на их волнах, чем ему приходится заниматься сейчас. Оставаясь в провинции, Д.Б. мог оставаться осведомленным в тайнах той культуры, которая никогда не попадала и не попадет в линейку новостей. Но именно осведомленность в этом сегменте и делает планериста астронавтом. Д.Б. перестал понимать природу и смысл «черных дыр» провинциальной культуры, свет которой просто не выходит за пределы своей реальности. Нельзя оперировать только видимой частью Вселенной. Ибо видимая часть Вселенной – это всего лишь «видимая часть Вселенной» только без слова «Вселенная»... да и без слова «видимая». Д.Б. недавно заявил, что «предпочитает оставаться демонстративным дилетантом». Что ж, это тоже позиция. Во всяком случае именно высокомерие, с каким Д.Б. говорит о провинции, – это первый признак дилетантизма. Высокомерие – интеллектуальная основа дилетантизма. И всё-таки дилетанты не профаны. Что радует. И еще: от нас в итоге остаются только воспоминания детства и надежды юности. Многие надежды юности Д.Б. пытался реализовать, будучи в Челябинске. Более того – многие из них он реализовал, по ошибке приняв реализованное за неудачу. Впрочем, личная оценка сделанного сути этого сделанного не меняет. За бескорыстие и преданность дружбе, за упорство в достижении справедливости, за стиль и проникновенность, за черновую работу культуртрегера, – за всё это Челябинск будет благодарен Д.Б. Расставаясь, люди умирают друг для друга, но главное тут не смерть, а обоюдность и неокончателность произошедшего. Кто-то создает волны, а кто-то пытается их поймать. Эти серфингисты ярко демонстрируют скрытые возможности стихии, своим изысканным великолепием заслоняя ее дикие цели и невыполнимые задачи. Такие дела.